

18+

Виктор БРУСНИЦИН

НЕДРА

Виктор Михайлович Брусницин

Недра. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56079484

ISBN 9785005101860

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Практика студента Горного института. Компромиссы и преодоления. Рождение светлых чувств. Познание и радость тяжелого нужного труда.

Недра

Повесть

Виктор Михайлович Брусницин

© Виктор Михайлович Брусницин, 2020

ISBN 978-5-0051-0186-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Восторг – чувство, обладающее причинами, подобно некоторым вполне приличным вещам. Не любовь же, ей богу. Штука, однако, в том, что здесь простенькая на вид мамочка может разрешиться куда как сугубо.

Самолет, – товарищ присутствует в высях, насыщенных лакированными, мясистыми облаками, упругая синева прет в глаз. Гул – рапсодия. В сооружении находятся четверо молодых людей, о которых пойдет речь. Пространства необходимы, как шушун для ямщика, гул уместен, что песня в застолье. Никакого противоречия. Таки в парнях-о-которых-пойдет-речь беснуется восторг.

Ну да, окончание очередной сессии, свобода и новизна, связанные с предстоящей двухмесячной практикой в экзо-

тическом городе Инта. Квартет: любезные друзья-приятели и так далее... Перестаньте, просто-напросто Витька выразился юркой и смазливой стюардессе следующим образом:

– Девушка! Мы долго возили и пришли к выводу, что вы самая приветливая, изысканная, стройная, умная – за красоту я просто молчу. Словом, предельно самая. Все мы хотим на вас жениться, родственники вообще изошли на «за», не говоря уже о правительстве – согласно чему притащи-ка, родная... э-э... допустим, шахматы.

Адресат мило улыбнулась, умеренно игривым тоном общила:

– Шахмат, мальчики, не существует, но я могу принести карты. Только прошу аккуратней, это мои личные.

И право, какой пустяк – карты.

Когда самолет начал снижаться в Сыктывкаре, где должно было сделать пересадку, выяснилось, что настроение – весьма. Ринулись в город – минимум, в тему. Посетили реку, ополоснулись – холодная северная река не остудила.

Перелет до Инты, плешины то ли озер, то ли болот – вполне. В комбинате угрюмую физиономию выдавшего направление на шахту работника сочли, само собой, за благорасположение. Чистое белье в общежитии – почему нет.

Долго не могли уснуть – жиденькое молоко за окнами. Говорили, зачем-то мечталось о будущем.

– Влюбиться тут что ли? – изобрел Игорь и неожиданно сбил не скудеющую восторженность. Примолкли... И спали

вскоре.

Шахта располагалась неподалеку от общежития, в стороне от жилого массива. Дойти удобней представлялось по железнодорожным путям, но тронулись по тундре – произносить это слово было вкусно. Радости начальство не выразило решительно: как выяснится, места ГРОЗ (горный рабочий очистного забоя) существовали в большом дефиците, ибо самая высокооплачиваемая профессия, а осваивать таковую практиканты были обязаны. Без особого внимания выслушав робкие возражения, ребят направили на участок ВШТ (внутришахтный транспорт), пообещав, что в лаве студенты тоже поработают.

ВШТ так ВШТ, деньги, вообще говоря, не главное, а пока ознакомление. Действительно, как зыбка удача сходу впрячься в тяжелый, хоть и благородный труд горнорабочего, тогда как безмятежно дневалит солнце, под ногами забавно взрываются тучками мошкары буро-зеленые кустики ягеля, когда город исполнен искристой и приветливой молодежью, неподалеку от общаги расположился пивной ларек и предусмотрительная вяленая рыбка, организованная Санькой Шитиковым, отменно годится.

– Нет, мужики, нам крупно подъехало, что в Печорский бассейн нырнули, – ликовал Ваня Антонов. – Представляете, торчали бы где-нибудь в Кемерово. Пыль, дым, прочая фака. А тут – тундра, солнце днем и ночью, пивье.

– Мошка, комары-вампиры, – остужал Санька.

– Но кто вооружен ведром отравы? – возмутился Иван. – А бабль с коэффициентом – пивьё! *e*

– О чем тёрка, – рассудил Витька, – мы уже здесь. Лучше скажите, отчего опять я должен был разнюхать, что рядом женская общага. Заметьте, единственная на всю катавасию.

– Вы аккуратней. В дыню получим – шахтеры, – высказал сомнение Санька.

Иван, покрутив массивные кулаки, уверил:

– Отплюемся.

– А славный городишко, я ждал другое, – подал голос Игорь. – Медвежий угол, но одеваются прилично. И колеса везде – куда тут ездить?

– Ну так... – обличил Санька, – лавэ как мусора.

Теплое, совсем не северное лето держало ароматный воздух, что мало сопоставлялось с шахтерскими поселениями. За городом, казалось вот-вот, близко, взметнулась из бескрайней равнины гряда гор, венчавшаяся гордыми шапками снегов, придавая воценой синеве неба убедительность. Птицы гомонили беспечно, мило.

Шлялись. Город при близком рассмотрении выявился крапчатым, замурзанным в значительной части, словно подернутым ряской, однако и с кварталами современного склада – уже мелькнул коттеджный поселок притязательного фасада – неприкаянность и провинциальность на фоне пышно-го Екатеринбурга перли в глаза. Собственно, общежитие досталось обшарпанное, с треснутыми окнами, впрочем, двор

аккуратный, в чахлах тополях и подстать кустарнике, с действующей голубятней. Набрили на волейбольную площадку с игроками и зрителями. Иван с Витей играли шибко, напросились. Витька напропалую шутил, одна из девушек, ловкая и заметная волейболистка, задорно внимала. Выиграли. Подошел парень из проигравших:

– Студенты, на шахту? – спросил уверенно. После ответа освежился неназойливой улыбкой. – Шикарно. Тут соревнования кой-какие, будем подключать. Еще чем владеете?

Кончилось тем, что Миша, новый знакомец, уже в общезитии угостился винцом. Было очевидно, что народ контактный, доверительный тон Миши вызывал подобный, все старались понравиться – тот в свою очередь охотно удовлетворял любопытство ребят. Пообещал соорудить приватные мероприятия, которые теоретически выглядели заманчиво и, похоже, не прочь был вступить в тесные отношения. Словом, практика обещала быть.

Первую неделю проходили «шахтерский минимум», технику безопасности. Досуг, который пока был солидный, оформился окончательно. Иван всех ближе сошелся с Мишей – тот оказался рьяным физкультурником – целыми днями пропадал на стадионе: он отменно играл в футбол; Витя от случая к случаю присоединялся, но основное время уделял Соне, приветливой волейболистке, – запросто уже приходила в комнату общезития, забавила звонким, озорным характером. Приводила порой подругу, стремленькую

на беглый взгляд и флегматичную девушку. Санька с Игорем резались часами в бильярд, либо сидели в Интернете («красный уголок» обладал приспособлениями). В субботу посетили клуб.

На первую смену Игорь шел с тревогой и разве не агрессивно. Работа была четырехсменная, с одним выходным, хотели распределить по одному на смену («меньше убытку», пояснили в «кадрах»), но практиканты заняли и им попустили, согласились на двоих. Кинули жребий и Игорь утешился, попал с Витькой: тот располагал обаянием, под его прикрытием Игорь надеялся войти в рабочую среду минуя знакомый мандраж.

Наставником оказался рыхлый на вид, но удивительно живой и словоохотливый Леша что-нибудь к пятидесяти.

– Сами городские, либо в общаге живота у Свэрдлоуске? – сосредоточенно интересовался Леша, как только вышли из ствола. Говорок, особенно название города на старый манер и с ударением на э, получался чрезвычайно симпатичным.

Витя и Санька были местные, Игорь и Иван иногородние.

– Хочу рабят в институт толкнуть. Двойняшки. Упрочем, парня к вам – девку у Питер, к састре.

– В Питере тоже горный есть, – делали звук наши.

– Двоих на сястру – не. И конкурс у вас мене. Дочка-то старательная, а сын – шабутной... – Пояснял самодовольно: – У мяня.

Леша шел впереди быстро, привычно, не переставая талдычил. Поддерживать разговор было трудно: Игорь не мог приноровиться к его шагу, время от времени перескакивал со шпал, где поскользнулся из-за влажности, на пешеходную дорожку, но там часто ударялся о выломанные горным давлением доски кровли и стенок (каска амортизировала слабо). Пришли на запущенный бремсберг, по нему проходил путь под вагонетки для доставки леса и материалов, ремонтом его и предстояло заняться. Недавно здесь «забурилась коза» (вагонетка с лесом сошла с путей), тележку убрали, теперь предстояло поправить развороченную крепь и «отрехтовать» (выпрямить) рельсы.

Урок выполнили часа за два, вслед за Лешей залегли в небольшую, но уютную нишу. По основным выработкам интенсивно дул ветер, но здесь – Леша загодя навялил ватники – было тепло и славно. От темноты и поз уснули. Очнувшись, вновь погрузились в многословие Лешки. Дядя, записной советикус, горделиво вспоминал о былых формациях, подозревая, должно быть, студентов в новом вероисповедании. Поведал историю о своем наставнике, занюханном шахтере, бывшем бандеровце, что не стесняясь начальства – матерый специалист – костерил советскую власть, ходил в дырявых носках, но сумасшедшие деньги, полученные за счет хрущевских привилегий, до копейки завещал в детдом. «Иде ваши Чабайсы, дышло им в пах, да Абрамычи?»

Игорь велеречиво вставил:

– Глупо жить бедным, стыдно умирать богатым. Карнеги, – чем заслужил подозрительный взгляд Леша.

Почапали на откаточный штрек. По нему шел мощный ленточный конвейер, Леша перед ним остановился, оглядел ребят, оценивая, не без сомнения пояснил:

– Поедямтя на конвейере. Этого няльзя, но пешком говенно. Так шо будья внимательны, делай за мной.

Действительно, штука чреватая. Спортивный Витька управлялся ловчей, а Игорю досталось. Запрыгнул нерасторопно и, стукнувшись о кровлю так что сбило каску, чуть с ленты не сверзился; побило валиками конвейера, оттого что, пропустив подушку угля, лег на голую ленту; спрыгнул до такой степени неловко, что обрушился рожей в «шумлюмку», жидкую угольную пыль. Забавно, яростно вскочил, оглушенный всем напряжением путешествия, потеряв координацию и соображение. Только в ответ на ободрительный смех Леша, что помог подняться и похлопал по спине, пришел в себя.

Находились возле пересыпа. Уголь пересыплся на конвейер квершлага, выработку идущую почти перпендикулярно штреку. Леша сухо спросил: *a*

– Ну, дальше ек жо?

В Игоре всплеснулась жуть, с остановившимся сердцем вслед за Витей согласно мотнул головой. Леша улыбнулся и пожалел:

– Не можно, здесь увидуть.

Впоследствии Игорь приноровился, собственная ловкость на контрасте с первым приключением даже нравилась. Впрочем, раз на сходе угодил одной ступней в щель досок, другая еще оставалась на ленте, застрял и ноги пошли на разрыв. Получилось чувствительно.

По квершлагу шли пешком. В районе окоlostвольного двора зашли в опрятную камеру, где шумели громоздкие механизмы, на скамье вдоль стены сидели человек шесть. Леша сразу забыл о подручных и углубился в разговор. Вскоре появился тщедушный на вид трудящийся, все встали и двинулись за ним. Перетаскивали шпалы – тяжелая вещь. Впрочем, смена незаметно кончилась.

В душевой, когда сидели голые на скамьях и терзали после шестичасового воздержания курево, Игорь ощутил – даже с некоторым недоверием – чудовищное наслаждение. Так и распространилось оно в такие минуты на будущее.

Возвращались домой за полночь: первая вахта выпала на третью смену, с восемнадцати до двадцати четырех часов. Снулое солнце сидело невысоко над горизонтом и озаряло панораму робким светом. Тени бежали сноровисто и длинно, вскоре растворялись, будто выдохнувшись, так и не оформив фигуры. Тундра парила не терпким, наивным ароматом, дышал праведный, надежный покой. Впрочем, ноги и шею жгло от всепроникающей мошкары.

Друзьям повезло. Лето, обычно бедное, напрасное, нынче удалось ражим. Вечное, усталое солнце к полудню начина-

ло пыжиться, медленно, с натугой карабкалось к зениту и, убедившись в бесплодности попыток, застывало на полпути, раскалялось от досады, улаждало природу не жгучим, хорошим светом. Небольшая, но юркая речка, бегущая по окраине города, обмелев, разбившись на ручейки и выпростав песок, сочинила многие пляжи. Один особенно был насыщен и пестр. В изобилии носилась ребяшня, плескалась в мелкой и прохладной воде. Молодежь присоединялась. Семьи, группы. Люди надежно, с сознанием права располагались на обширных кусках материи – с супами, пюре и котлетами, со сменами белья для детей.

– Танька, паразитка, еще раз залезешь в воду, отстегаю, – слышалось.

– Глянь, мужики, Топорков... Топорков, слухай историю!! По реке плывет топор до станции Кукуево, ну и пусть себе плывет, железяка ржавая!!

– Га-га-га!

– Ох-ха!

– Слышите, то не Петька из чистяковской бригады? Никак феминюшка с ним новая...

Первые девять дней Игорь с Витей работали в третью и четвертую смену. Свободное время проводили на пляже. Нередко подключались и девочки. Соня училась в колледже и сейчас была на каникулах, вторая трудилась по непонятному графику. Волей-неволей Игорю приходилось держать ампула ухажера Марины, подружки Сони. Не сказать, чтоб

она была совсем дурна, но наблюдалось несколько несуразностей. Брови делала тонкими, тщательно щипля их. Тонкий, крупный нос и фигурные щеки делали эту акцию лишней. Подбородок с кокетливой, если б на другом лице, ямочкой мало шел небольшим и острым глазам. Постепенно ее неказистость затерлась, начали утверждаться положительные черты, допустим, вполне ладное сложение. Однажды сходили в кино вдвоем, правда, с подначки Сони.

Через неделю практикантов перевели на поверхность, здесь платили совсем крохи. Формальный повод – застали спящими на рабочем месте. Фактически – как ни странно, Витя не понравился главному инженеру. Дело в том, что Ивана с Санькой взяли в лаву на должность ГРОЗ. Ванька грозно и напористо вращал очами:

– Идите к главному. Мы начальника ВШТ сколько увещевали. Работайте, кричит, не вякайте. А к тому пришли – так и так, есть положение. И в дамки.

Главного инженера вылавливали два дня. Накалили себя чудесно, слова изобрели веские. Главный, седовласый гражданин лет за сорок с непроницаемым лицом, сидел, уткнувшись в бумаги.

– Здравствуйте, – с достоинством завел Витька.

– Ну?

– Надо в лаву идти работать, – нескладно сообщил практикант.

– Хм, студенты, – констатировал тот. – Кому надо?

– Нам, кому еще. Так и практика кончится.

Главный хмуро воззрился, помолчал, снизошел:

– А нам?

– В смысле?

– Нам надо, чтоб вы работали в лаве? – любезно пояснил

Главный.

– Не будем ля-ля, есть договоренность, – вскипел Витька.

Брови начальника поползли вверх, но тут же опали, явилась озлобленная физиономия.

– Договоренность?! – Он смачно сматерился. – Вы что там, в институтах, с ума съехали? – Прохрипел: – Тут частное предприятие. Пошли вон.

На поверхности прикрепили к молодому рабочему – тоже был наказан за небольшую провинность. Через пару дней ребята не жалели о случившемся. В обязанности входила забота о рельсах под козловым краном и погрузка леса для отправки в шахту. Работа легкая, надзора не существовало, занимались преимущественно тем, что копили загар и отгоняли друг от друга комаров. Однако самая большая прелесть состояла в общении с Егором.

Это был двадцатипятилетний атлет с грустной улыбкой. Бархатный блеск кожи составлял диссонанс с невзыскательным обликом, паче того профессией. Хотелось видеть его на сцене. Говорил мягко, беззаботно, точно не вникая в речь:

– Я – изрядный человек, научен, как быть счастливым. Повествую. В школе произошел жутко застенчив и невыносимо

страдал. Девочки стреляли по сторонам глазками, мальчишки грешили, никто не имел меня в виду. Для самоутверждения в десятом классе связался с отрицательной компанией, был на побегушках и доплелся до наркотика – не случилось и мизрного эффекта. Не от мира сего, разрешите представиться... Устроился в армию, меня третировали садистски. Так продолжалось, пока не попал в госпиталь, здесь жребий наградил учителем. Врач, кореец, буддист. Меня исчислил и разложил по полочкам. Хочешь уметь страдать с блаженством, поинтересовался он? Я хотел... Боль, толковал Угай, есть действие пептидов: субстанции P, холецистокинина и иных химических гадостей. Он открывал нейрофизиологические аспекты, внушал, что анальгетики, нейтритизаторы, можно вырабатывать самочинно. Разумеется, нужна тренировка: Угай подставлял ладонь под лепесток огня и улыбался – на руке, между прочим, не оставалось следа. Он твердил, что мыслительные и физиологические манифарги имеют одну основу, значит, готовы взаимодействовать. Я поверил и окунулся в йогу. Открылось, что воля преспокойно воспитывается, ибо – это знание ты можешь обладать ей... После заразительного тренинга для практики расправился с одним из обидчиков: на плацу во время занятий приблизился, сунул ему в хайло и пророчил: «В следующий раз – убью». Он был массивен, но растерялся. Посадили в карцер, испытал колоссальное освобождение, овладел самопознанием и совершал превращения. Перестали трогать... После ар-

мии запросто поступил в институт, но после третьего курса бросил – не мое. Ибо... созерцатель. Да, творчество дает наслаждение, но я способен понять, что не созидатель. Да и где оно, творчество – шурует креатив. Шоубиз, прочее? – оставьте, все давно сочинено. Быть начальником и командовать? – у меня завалилась совесть. Бизнесменом? У нас сие суть маклак... Я создан для физического труда. *e как*

Странные очертания административного здания шахты, копра, террикоников, приземистый, ровный город, съеденный расстоянием, неряшливые и вместе чопорные горы на заднике, натужное солнце, окруженное жидкими, бессмысленными облаками, казались иллюзорными в прозрачных, чуть колеблющихся испарениях тундры и замечательно дополняли чистый, прелестно интонированный зудом и стрекотом гнуса и прочей живности голос Егора.

– Возьмем, красота. Тут, братцы, не высшая гармония, а восприятие. Отсюда весьма прилично владеть собой... Таки вы имеете перед собой созерцателя мастера. Да, существует в подлунном заведении такая должность. Имею честь... Ну например, элементарная тундра – тухлая равнина, скажет иной. Ничего подобного! Надо уметь вникнуть... Что делает мастер? Он готовится. Перед актом созерцания мне потребно ни о чем не думать, заполучить состояние сытости, умиротворения, легкой дремы. Когда достигаю отрешения, иду и смотрю. И меня принимают. Вашего слугу приветствуют бездны, жмут руку громады космоса. Я – молекула

мироздания и это вершина. Ситуайен Егор дышит бесконечностью и проблемы брэнности перерабатываются им как нюансы величайшей соразмерности... Йес, на полочке умение не лежит. Нужен подход. Здесь и поджидает йога, мальчики.

Он звучно сморкался, участливо вытирал руки о замурзанные штаны.

– Но тундра, братцы, это семечки, вот есть какая жизненная величина. Плот. Апофеоз, говоря иначе... Вообразите, тут неподалеку существует речка, Кижим. Юркая, сволочь, по весне бесподобно. Стремительность движения, ароматы веселых, искристых, липких брызг. По берегам кедр, береза, вездесущий вереск... А ель? Она же, мерзавка, прет в нос, что твой локомотив... И игра моих мышц. Зрение, слух, все совокуплено в динамике. Представляется, вещи, явления, реальность имеют определенную энергию и я суть эквивалент, если хотите, мерило. Чувство предельного постижения...

Парни слушали Егора открыв рот и вытаращив глаза. У Игоря не исчезало чувство, что их дурачат, но так прекрасно и насыщено, что от этого не стоит избавляться. Через четыре дня общения он заставлял себя погруженным в мир странной ауры, от фигуры Егора шли флюиды. Когда тот садился вдруг, не мигая и совершенно не щурясь смотрел на солнце, возникало приторное нытье в желудке.

Уже сами пускались в философические словоблудия, Игорь ловил себя на том, что рассуждает мысленно относи-

тельно Марины лежащей рядом на пляже: а что, у девушки нос вполне греческий. И вообще, как там у Заболоцкого насчет красоты: «Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?» Дошло до того, что стал говорить об этом вслух. Марина поднялась и с застывшим лицом неловко принялась одеваться. Встрепенулась Соня:

– Ты куда?

Та ответила беспокойно:

– Я забыла... мне надо. – Ушла.

– Ну, ты и дурак, – одобрила Соня.

Игорь расстроился: вне всякого сомнения, дурак. Ему нравится Соня, но никак не Марина, стало быть, все – нелепость... Зачем-то вспомнил, как маленький был оскорблен в мировоззрении страданиями матери по поводу основательной болезни отца:

– Он так мнителен, эмоционален. Такой трусишка, такой неприкаянный, ах как ему не по себе.

Ее самозабвенная любовь оделяла ревностью и коробила. Как можно – коль скоро отец так слаб, не мужествен, его и любить совершенно наперекор правил. Любят исключительно сильных, людей способных на свершения. Отец никак сюда не умещался. Нет-нет, это нелогично. Тождественно он огорчался относительно того, что закадычный друг Вадик Несмеянов влюбился в толстую и несуразную, еще и язвительную Юльку Серебрянникову. С ее-то фигурой! Женщина как предмет страсти возможна не иначе с пропорци-

ональным контурами тела и правильными очертаниями лица... Категорический идеализм был погран классе в девятом, когда ханурик Сережка Спирын начистил нюню амбалистому Ляпустину. Игорь призадумался, может, и ему стоит не бояться вечного сатрапа Сапегу? И вообще, мир, товарищи-граждане, не говоря уж господ, ой как несовершенен. Это явилось чем-то подле открытия. Однако смущал взор в зеркало – ах как удобно считать себя ущербным, какая прекрасная оборотная сторона идеализма.

Словом, Игорек был тоже не от мира сего – вот отчего зарканил его Егор – мамочка воспитывала комнатным лютиком. Самоотверженная, преданная, предательство мужа она не сумела согласовать с личностными реалиями и отнесла случившееся на слом ценностей. Согласно чему охраняла сыночка – что удивительно, довольно успешно – от варварского социального цунами.

Коротко произнести, на следующий день Марина на пляж не пришла, и Игорь почувствовал себя неуютно. Появлялось веление пойти извиниться, но было неизвестно как. Все-таки тронулся, он знал магазин, где она работала, Марина ему неожиданно обрадовалась. Сперва у Игоря отлегло, но следом приперлись сомнения известного рода: де, не измерила ли девушка парня, и не садит ли он, таким образом, себя на привязь.

Скажем так, отрезок времени работы на поверхности сопровождался процессами. И Егор вносил ощутимую долю.

Но внезапно исчез. Однажды его встретили в городе, шел с маленькой, удивительно невзрачной и явно пожившей женщиной. На радостное приветствие ребят кивнул более чем сухо. Вскоре застали в пивбаре, он стоял безобразно пьяный с двумя мужиками непотребного вида, вычурно и пискливо матерился. Выйдя из заведения, наши герои уныло и твердо молчали.

А далее их перевели в лаву.

Ну да, шахта ассоциирует в первую голову с трудным и опасным делом. Все верно. Однако есть и нечто не всегда осознаваемое. Преодоление, мрак и таинство чрев, даже обремененность бог знает какими богатствами невольно вплетаются в это имя. На самом деле все заурядно – фабрика.

Ребятам повезло, и напротив. Фарт, оттого что в одной из лав любезно накрылся комплекс (современное оборудование для непосредственной добычи угля и крепления очистного забоя), его демонтировали, временно применяли старый метод отработки с так называемой индивидуальной крепью. Это требовало увеличенное число рабочих. Противное – труд по старинке весьма тяжел.

Не станем описывать производство, всяк имеет приблизительное представление. Ну... так... самую малость пощупаем... – В первую же смену Игорь сподобился послушать тишину.

В шахте случаются мгновения – отключается электричество. Встают, понятно, механизмы. Тьма. Однако работать

можно какое-либо: известно, на касках светильники... Но. Не единожды парень обращал внимание – словно по команде всякая деятельность стихает. И это не повод, конечно, передохнуть, зависимость от выработки железная. Повод – послушать абсолютную тишину (абсолютную, подчеркнем, ибо и ветра нет, вентиляторы вырубаются – между прочим, даже крысы замирают). Все садятся, стараются не шелохнуться, разумеется, молчат. Неизменно выключают светики. Глаза не смыкают, пялятся в кромешную мглу. Трудно где еще можно представить подобную химию... Ей богу, слышно сердце. Чувство под названием Ноль, Ничто. Эти чумазые, прокаленные работой и жизнью люди как один слушают Бездну, употребляют ошеломляющий пафос Вечности.

А внезапный, скаредный и вместе отчетливый – коварный – треск, шорох, нутряной звук, что внезапно пробежится и пропечет существо? Труженики разгибаются, замирают, вслушиваются, за этим может стоять грозное.

Разговоры в редких передышках монотонной конвейерной работы. Когда чувят, что где-то неполадка не минутная – обычно передается известие зычным, но съеденным криком – собьются, кто поблизости, у комбайна (остальные растянуты по лаве: крепят, либо на зачистке и других операциях), садятся на почву, выбрав, где посуше.

– Колюня! А шо у тебя жена какая-то задумчивая последнее время?

– Нормальная.

– Вот бдю, Мыкола, она кажин день в платье новом.

– Ну и в новом, кому беда.

Подключается иной:

– Ты что, Ревенко, не в теме? У Николая сосед новый, Репринцев, из бригады Костюка.

– А-а, тот шо большой любитель женского контингенту и шо робит в предыдущую смену!? Получается, Коль, ты на работу, ён домой.

– Выходит, так, – соглашается Коля.

– Хм. А как, интересно, они конспирасию держат? Бо ты захворал и дома – а тут ён. Не спрашивал?

– Чего спрашивать, когда сам надоумил. Она игрушку на окно ставит... Между прочим, с твоей бабой технику безопасности освоили.

– Ох-хо-хо!

– Гы-гы-гы! Хот же, итишкин котяра!..

Рожи черные, зубы белые, глаза веселые. Люди разнохарактерные, красочные – спаянные делом и истинно гордым когда-то, да и теперь звучным именем. Тимофей, детина с солидным животом, мешком подбородка и короткими руками, отчего-то воссоздающий Будду, страшенный любитель цветастых рубашек:

– Этга по ящику давали. Малышева трёкат, будто в сое битамин... Фуфель! У нас в деревне мушщина бобы грыз, что семечки. Гигнулся от рака.

Толь Митрич, надо полагать, Анатолий Дмитриевич, мо-

лодой стройный мужик с удивительной работоспособностью – руки елозливые, глаза липкие, что у мартовского кота:

– А Познер! Америка, мол, улыбается насквозь. Только под Америкой Афган всю Рассею-маму наркотиком засорил. Фальшивочка!

Спор... Появится изредка в лаве замначальника участка, он же диспетчер – на нем даже роба смотрится странно – человек рыжий, мягкий, такие здесь не в почете, ибо народ суровый, приткий на еру, вяло поинтересуется:

– Что план? Не забывайте, в прошлую смену недобрали, премиешка шатается.

– А какого хера ты перенес остаток с прошлой недели!

– Ну... поспорь со Смирницким.

– Шел бы ты, Васенин, на гору. Без тебя сильно пристойно.

– Вы тут не очень-то. Рублем поправим запросто.

– Вали, Васенин, обушок руку калит.

Случается и верхнее начальство. Оно шахтеров любит и ценит. На разнарядке раз директор появился. Крепко пожал заскорузлую ладонь пожившему, морщинистому комбайнеру:

– Палычу наше – пылишь, курилка. Слышал, внуком обзавелся.

– Девка, ядреная особа растет. Жопа будет, что твоя.

– Стало, поживет. Чем высиживают, не головой же... Чего ты там, Спирькин, про братца плел?

Чахоточный на вид Спирькин, имеющий правило в шахте грызть зерна кофе, как выяснится, чтоб обмануть душу курильщика, с удовольствием длит начатый анекдот, сделав для достоверности героем брата:

– Ну вот, приглашает девица брата к себе домой – на чай будто, а то и разговор с политической тематикой. Покамест вышагивают по улице под ручку, мило-любо. Оказия – видно, братан чего сожрал, пучит. Приходится терпеть, поскольку в тесноте... Входят в квартиру, девица указывает на дверь: «Иди в комнату, располагайся, а я поколдую на кухне, чай соберу». Ну, выполнил Миха указание. Вечер, сумеречно, поширил глазами, найти включатель не может. Впрочем, от окна идет некоторый свет и в общем разобраться можно... Как на притчу придавило. Миха сообразил: если терпеть, дальше совсем нехорошо получится – стоит рискнуть пока подруга в отлучке. Подходит к окну, закрыв дверь, отворяет форточку... исполняет. Отменно получилось, звонко, запашисто. Братуха для надежности срывает пиджак и начинает вымахивать содержание в атмосферу... Удачно, от следов избавился вовремя: раздаются шаги хозяйки, входит. Мишка успел упасть на стул и соорудить независимый вид. Подруга: «Чего ты свет не включил?» Свет зажигается. Она делает радостно-удивленные глаза, скосив взгляд, и говорит: «Ой!» Обрато смотрит на любезного и заявляет: «Познакомься, моя сестра, Оля». Миха поворачивает голову. На диване сидят, тесно прижавшись и испуганно замерши, девушка и па-

рень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.